

В тронном зале золотые плиты сияли, словно зеркала. В них не отражались человеческие силуэты — лишь застывшие лица чиновников, плотно заполнивших просторное помещение.

Вдовствующая императрица в парадном облачении с фениксовым венцом восседала на девятиступенчатом возвышении. Нефритовой пластиной-хуй в руке она указала на Се Линя, а её голос прозвучал подобно холодному лезвию:

— Колдовством смутил умы, Кровавым Указом расшатал государство — за это преступление ты должен быть казнён! Кровавое проклятие императорского рода не подлежит лёгкому прощению!

Придворные боялись даже пикнуть, смертельно напуганные, они затаили дыхание настолько, что казалось, будто само время замерло тончайшей нитью. Лишь Се Линь стоял под багряными ступенями денчи, его одежды были обагрены кровью, растрёпанные пряди волос падали на плечи, а в уголках губ застыла усмешка — и в этой улыбке не было безумия, лишь безмятежность человека, который наконец сорвал с мира все маски.

— Ваше Величество, — внезапно заговорил Цэнь Чжао. Его голос звучал неторопливо, но в тишине раскатился подобно треснувшему от удара колоколу. — Неужели вы забыли, что в зиму двадцать третьего года правления Тяньци перед самой смертью сказал вам свергнутый наследный принц?

Зрачки Вдовствующей императрицы сузились до точек, нефритовая пластина с громким стуком рухнула на золотой столик:

— Ты...!

Цэнь Чжао не ответил. Он лишь медленно шагнул вперёд и извлек из рукава золотую печать — личный дар Сына Неба, сокровище, защищающее государство. На ней отчётливо выделялись четыре иероглифа: По воле Небес, [император] счастливый и процветающий, источающие ослепительный золотой свет.

Кончики его пальцев легко взмахнули, печать выскользнула из рук и со всего маху рухнула на каменный пол.

Треснула!

Осколки золота брызнули во все стороны.

Эхо испуганных возгласов придворных ещё не затихло, а он уже подобрал обломки, поднял их над головой, и его голос прогремел раскатом грома:

— Ваше Величество! Хватит ли у вас смежности выслушать правду подлинной истории?

Едва затихли эти слова, как несколько десятков людей в черном на носилках внесли семьдесят два свитка кровавых записей и медленно вошли в зал. Каждый свиток был написан человеческой кровью вместо туши на выделанной овечьей коже, а на обложках чётко выжжено: Первый год правления Тяньци — Забытые архивы рода Се.

Се Линь не шелохнулся, лишь молча наблюдал.

Цэнь Чжао развернул первый свиток и громко, слово за словом, зачитал:

— На второй год правления Тяньци император убил старшего брата в Императорском саду, объявив о внезапной кончине.

— На пятый год правления Тяньци император отравил отца ядом в целебном отваре и сжёг его посмертный указ.

— На восьмой год правления Тяньци семь уездных городов на границе вместе с жителями тридцати тысяч воинов были отданы в обмен на коней Бэйди. А взамен получено сто тысяч золотых и предательский договор.

— На десятый год правления Тяньци Императорская академия была сожжена, летописцы убиты, чтобы скрыть следы. Из семидесяти двух свитков подлинной истории уцелели лишь обрывки — лишь потому, что правда оказалась слишком тяжелой, чтобы удержать её на Драконьем троне.

С каждым зачитанным словом кто-нибудь в зале опускался на колени.

С каждым зачитанным словом золотые плиты пола трескались на дюйм.

Лицо Сына Неба из синеватого стало серо-пепельным, а затем превратилось в мертвенно-бледное. Он попытался заговорить, но горло словно сдавило железными тисками, и он мог лишь дрожать, дюйм за дюймом, дюйм за дюймом сползая с Драконьего трона.

Глухой стук.

Он рухнул на колени.

Перед морем кровавых свитков, у самых ног Се Линя.

— Если... если это подлинная история... — голос Сына Неба прерывался, звуча подобно трепещущему на ветру угасающему огоньку свечи. — Я готов добровольно отречься от императорского престола, удалиться в дальний дворец и остаток дней провести узником... Умоляю... умоляю вас... пощадите.

Цэнь Чжао не ответил, лишь перевёл взгляд на Се Линя.

Наконец Се Линь двинулся.

Он неторопливо шагнул вперёд, подошвами сапог сминая золотые осколки и ступая по дрожащей тени Сына Неба.

Он остановился прямо перед императором, склонился, протянул руку и кончиками пальцев легко коснулся его лба.

— Разве ты достоин?

Его голос прозвучал тихо, как падающий снег.

— Ты даже право стоять на коленях украл.

Сын Неба затрясся всем телом, и слёзы градом хлынули из его глаз.

Цэнь Чжао сделал шаг вперёд и бережно вложил в ладонь Се Линя последний свиток — тот самый чистый свиток, что когда-то принадлежал его прошлой жизни.

— Теперь, — прошептал он, словно лёгкий ветерок, коснувшийся угасающего пламени свечи, — твоя очередь писать финал.

Се Линь опустил взгляд на чистый свиток в руке и словно увидел себя из прошлых воплощений — горбящегося над столом до самой смерти, с окровавленным кончиком кисти, так и не успевшего дописать последнюю строку.

Он поднял руку и взял со столика кисть с киноварью.

Кончик кисти коснулся туши, но на бумагу не опустился.

Он посмотрел на Сына Неба, и его голос звучал глубоко и безмятежно, как бездонная пучина:

— Знаешь ли ты, почему этот свиток остался чистым?

Сын Неба покачал головой, и капли его слёз разбивались о золотые плиты пола, рассыпаясь искрами.

— Потому что, — усмехнулся Се Линь, — ты никогда по-настоящему не владел этим

государством. Оно не принадлежит тебе, не принадлежало твоему отцу и твоим предкам. Оно принадлежит тем, чьи истории сожгли, чьи голоса заставили замолкнуть и чьи кости зарыли в землю.

Он занёс кисть над свитком: капля туши ещё не сорвалась вниз, а слёзы уже брызнули из глаз.

— Да Инь пал из-за лжи, —

Кончик кисти коснулся бумаги, яркая киноварь алела подобно крови, и первая строка чотко проступила на полотне.

— Но возродился в безумии слов.

Тушь еще не высохла, и в зале царила абсолютная тишина.

Цэнь Чжао закрыл глаза, уголки его губ чуть приподнялись.

Вдовствующая императрица попыталась разгневаться и закричать, но вдруг заметила, как снаружи поднялся ветер, подхвативший обрывок свитка с кровавыми записями. Закружившись, он залетел в зал и прилип прямо к её фениксовому венцу.

На этом клочке бумаги виднелась лишь одна строчка:

— Ты убил не наследного принца. Ты убил саму правду.

Всё её тело одеревенело, во рту почувствовался сладковатый привкус, и изо рта фонтаном хлынула кровь, обагрив золотые плиты и окрасив в багровый цвет четыре оставшихся осколка печати.

Се Линь отнял кисть, свернул кровавый свиток и поднял его высоко над головой.

— Это не летопись, — произнёс он. — Это заклинание возвращения душ.

Цэнь Чжао неторопливо шагнул вперёд, сравнившись с ним плечом. Их рукава соприкоснулись, обагрённые пятнами крови.

— Всё написано, — тихо проговорил он. — Пойдём.

Се Линь покачал головой:

— Нет.

Он повернулся и обвёл взглядом всех чиновников императорского двора, обратившись к каждому обитателю Поднебесной.

— Всё только начинается.

Снаружи бушевал бурный ветер, разгоняя тучи, а в стороне Императорского Храма Предков столб пламени взметнулся прямо в небеса.

То горел первый свиток из семидесяти двух кровавых записей, источая свой первый дымок.

То звучал первый удар колокола новой истории.

<http://bllate.org/book/19340/1891110>